

The background is a dark, rainy scene. In the center background, a man wearing a dark coat and a fedora-style hat stands with his hands in his pockets. In the foreground, a large combat-style knife with a black handle and a silver blade lies on a wet, dark surface. The blade is pointed towards the bottom right. The title is written in a white, hand-drawn, sketchy font over the image.

УБИЙЦА МОЕГО МУЖА

Лора Блэк

Лора Блэк

Убийца моего мужа

«Автор»

2026

Блэк Л.

Убийца моего мужа / Л. Блэк — «Автор», 2026

Анна была счастлива в браке, пока её первого мужа не нашли зверски убитым. В самый чёрный час рядом появляется Марк — чуткий, безупречный мужчина, который склеивает её разбитое сердце. Три года их брака кажутся Анне абсолютным раем, а Марк — ангелом, посланным судьбой. Она не знает, что её идеальный муж — хладнокровный серийный убийца. Она не знает, что именно он пустил кровь её первому супругу и подставил невиновного. Но однажды ночью Марк совершает поспешную ошибку. Одна ещё тёплая капля крови на белоснежном манжете его шелковой рубашки. Один забытый ключ в замке рабочего стола. Всего за одно утро Анна узнаёт, что мужчина, с которым она делит постель и растит дочь — безжалостный монстр. Мягкая маска ангела слетает, обнажая зверя. Идеальный дом превращается в леденящий душу капкан, а подвал — в камеру пыток. Как далеко зайдёт чудовище, чтобы сохранить свой придуманный рай? И кто выживет, когда наружу вырвется страшная тайна, зашитая в куртку вокзального сироты?

© Блэк Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Иллюзия и расплата	5
Глава 1. Иллюзия тепла	5
Глава 2. Старые шрамы	8
Глава 3. Нож в темноте	10
Глава 4. Фабрикация	12
Глава 5. Камера 14	13
Глава 6. Стекланный дождь	15
Глава 7. Черный шелк	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Убийца моего мужа

Часть I. Иллюзия и расплата

Глава 1. Иллюзия тепла

Октябрьский дождь за окном не прекращался со вчерашнего вечера. Крупные, тяжелые капли методично разбивались о стекло кухонного окна, оставляя за собой длинные, похожие на шрамы дорожки. Анна стояла у плиты, слегка наклонив голову, и вслушивалась в ровное гудение пламени. В воздухе плыл густой, пряный аромат домашнего рагу — любимого блюда Олега. Она добавила немного розмарина, как он любил, и накрыла кастрюлю крышкой.

Анна была женщиной удивительно мягкой, тихой и, как часто говорили её немногочисленные знакомые, слишком простой для этого жесткого мира. В её круглом лице, добрых серых глазах и привычке робко поправлять выбившийся локон не было ни капли столичного лоска. Она искренне верила, что если отдавать человеку всю себя без остатка, то мир обязательно ответит взаимностью. Своего мужа Олега она боготворила. Ей казалось, что их уютная двухкомнатная квартира — это неприступная крепость, защищающая их маленькое семейное счастье.

В прихожей резко, с глухим стуком захлопнулась входная дверь. Анна вздрогнула от неожиданности, но тут же тепло улыбнулась. Быстро вытерев руки о ситцевый фартук, она поспешила в коридор.

— Олег! Ты сегодня пораньше, — радостно произнесла она, протягивая руки, чтобы забрать у мужа промокшее пальто.

Олег Волков стоял на коврике, небрежно стряхивая капли воды с дорогого кожаного портфеля. Он был красив той резкой, самоуверенной красотой, которая заставляла женщин оборачиваться на улице: волевой подбородок, идеально уложенные темные волосы, дорогой парфюм с нотками табака и кедра. Но когда он поднял глаза на жену, в них не было ни капли той нежности, которую она так ждала. Лишь привычное, удушающее равнодушие, умело прикрытое маской сильной усталости.

— На фирме дела закрыл быстрее, — сухо бросил он, уклоняясь от её попытки поцеловать его в щеку. — Игорь опять звонил. Настырный, как муха. Просил завтра приехать к ним за город, помочь с ремонтом его старой машины. Я, конечно, отказался. Сил моих больше нет выслушивать его нытье. Три ребенка, вечная нехватка денег, жена бледная, как поганка, вечно дергается... Тоска смертная. Скучно жить не умеют.

Анна почувствовала, как внутри болезненно сжалось сердце от жалости к друзьям. — Олег, ну как ты так можешь? Игорь же твой лучший друг, вы с детства вместе. Им сейчас действительно тяжело, они этот дом своими руками строят. Мы ведь могли бы просто привезти детям каких-нибудь гостинцев...

Олег раздраженно дернул плечом, проходя мимо неё в гостиную. — Ань, избавь меня от своей вечной благотворительности. У меня голова раскалывается.

Он упал на диван и сразу же уткнулся в экран своего смартфона, пальцы быстро забегали по стеклу. Анна осталась стоять в полумраке коридора, сжимая в руках его тяжелое, сырое пальто. Ей стало немного холодно. Её доброе, бесхитростное сердце не могло понять, откуда в её любимом мужчине берется эта внезапная, глухая черствость.

Но Анна не знала — и даже в самом страшном, безумном кошмаре не могла вообразить — что скрывалось за этой «усталостью» Олега.

Она не знала, что еще два часа назад Олег сидел в уединенной кабинке дорогого ресторана на другом конце города. И напротив него, лениво потягивая вино, сидела Кристина — лучшая подруга Анны. Кристина была полной противоположностью Анны: яркая, циничная, хищная стерва с безупречным маникюром, которая привыкла брать от жизни всё, не считаясь с потерями. Пока Анна пекла пироги и ждала мужа, Кристина страстно целовала Олега, оставляя следы помады на его шее, которые он затем тщательно оттирала влажной салфеткой в туалете ресторана. Крестину всегда втайне подбешивала мягкость и наивность Анны. «Она слишком глупа и проста для такого мужчины, как Олег. Ей полезно будет спуститься с небес на землю», — с усмешкой думала Кристина, отправляя Олегу очередное недвусмысленное сообщение, пока тот сидел на диване рядом со своей женой.

Но Кристина тоже была лишь частью грязной мозаики. Олег Волков был ненасытен. Ему льстила его абсолютная, безграничная власть над людьми. В скрытой, защищенной паролем папке его телефона хранились совсем другие переписки. Там были слезные, полные паники и стыда сообщения от жены Игоря — той самой забитой, тихой женщины, которая в минуту слабости поддавалась на ухаживания лощеного и успешного друга своего мужа. Олег спал со всеми, до кого мог дотянуться, разрушая судьбы близких людей просто ради мимолетного развлечения, ради подтверждения собственного превосходства. Он не любил Анну, он презирал Крестину, он использовал несчастную жену Игоря. Единственным человеком, которого Олег Волков по-настоящему ценил в этой жизни, был он сам.

Анна аккуратно повесила пальто на вешалку и вернулась на кухню. Она наложила горячее, дымящееся рагу в красивую фарфоровую тарелку и принесла в комнату. — Олег, милый, иди покушай. Всё горячее.

Олег даже не поднял головы от экрана. Лицо его было сосредоточенным, он быстро стер какую-то ветку сообщений. — Я не голоден, Ань. Убери. Мне нужно уехать по делам фирмы. Встреча с поставщиком. Буду поздно, не жди меня, ложись спать.

Он резко поднялся, схватил портфель и, даже не взглянув на растерянную жену, снова накинул мокрое пальто. Через минуту входная дверь опять захлопнулась, оставив после себя лишь легкий сквозняк, который колыхнул шторы.

Анна медленно опустилась на стул посреди пустой, тихой кухни. Тарелка на столе быстро остывала, пуская в воздух тонкую, исчезающую струйку пара. В груди Анны шевельнулось странное, липкое предчувствие беды, но она привычно отогнала его, списав всё на осеннюю хандру и погоду. До конца её иллюзорного, хрупкого счастья оставались считанные часы.

В это же самое время, в нескольких километрах от их дома, в сыром полумраке заброшенного гаражного coagulation было тихо. Здесь не горел свет, лишь слабый отблеск уличного фонаря пробивался сквозь узкую щель в воротах.

Высокий, широкоплечий мужчина в плотных черных кожаных перчатках сидел на деревянном ящике. Его движения были неестественно плавными, размеренными и точными. Металл издал тихий, леденящий душу свист — мужчина медленно, круговыми движениями проводил оселком по лезвию длинного охотничьего ножа с матовым покрытием.

Это был Марк. Его лицо, правильное, с резкими, словно высеченными из камня чертами, оставалось абсолютно спокойным, почти мертвым. В его глазах не было ни злости, ни азарта, ни страха. Для него предстоящая ночь была лишь очередной работой. В кармане его темного пальто лежал сложенный вчетверо листок бумаги с адресом загородного офиса Олега Волкова и тяжелая, звякающая связка ключей от старой дачи Игоря Петровича, которую Марк незаметно вытащил из кармана куртки Игоря в мастерской еще неделю назад.

Марк не знал Олега лично. Ему было всё равно, каким человеком был Волков, сколько жизней он сломал и скольким женщинам разбил сердца. Марку заплатили за то, чтобы этот человек исчез — быстро, тихо и навсегда. И чтобы виновным в этом признали его лучшего друга. План был выверен до мельчайших деталей, до секунд.

Марк поднял нож на уровень глаз, оценивая остроту лезвия, и едва заметно кивнул сам себе. Он убрал оружие в бархатный чехол. Безжалостный наемник, не знавший пощады, еще не догадывался, что этот ночной заказ навсегда свяжет его судьбу с той самой мягкой, доброй женщиной, которая сейчас плачет на кухне над остывающим ужином. Он не знал, что её тихий голос заставит его ледяное сердце ожить, совершить роковые, непростительные для профессионала ошибки и в итоге приведет их обоих к дверям темного подвала, залитого свежей кровью.

Дождь за окном припустил с новой силой, словно пытаясь заранее смыть следы грядущего преступления. Часы на стене методично и громко отсчитывали последние минуты жизни Олега Волкова.

Глава 2. Старые шрамы

Детские воспоминания никогда не уходили из головы Марка окончательно. Они жили там, на самой глубине его сознания, свернувшись тугим, ядовитым клубком. Стоило ему закрыть глаза в полумраке сырого гаража, как серая бетонная стена перед ним растворялась, превращаясь в обшарпанный кафель школьного туалета.

Марку тогда было тринадцать. Он был тихим, нескладным подростком в заношенной куртке, который стеснялся своей бедности и читал книги на переменах. Для Олега Волкова и его компании Марик стал идеальной мишенью. Олег — холёный, самоуверенный лидер класса, лидер школьной футбольной команды — не знал жалости. Ему нравилось ломать тех, кто не мог ответить.

Тот день Марк помнил до секунды. Олег и его верный оруженосец Игорь подкараулили его после уроков. Игорь со смешком закрыл дверь на засов, а Олег, ухмыляясь, схватил Марика за шиворот. — Что, книжный червь, думаешь, самый умный? — цедил Олег, пиная портфель мальчика так, что тетради разлетелись по мокрому полу.

Марик пытался вырваться, но силы были равны. Олег сгреб его волосы в кулак и с силой засунул его голову в унитаз, нажав на спуск. Ледяная, ржавая вода хлынула на лицо, забивая рот и нос. Марик задыхался, захлебывался, а над его головой гремел дружный, издевательский хохот Олега. Игорь стоял чуть позади у дверей и трусливо хихикал, подбадривая вожака.

Они держали его так долго, пока Марик не перестал дергаться. Когда его бросили на грязный кафель, он едва мог дышать. Олег напоследок наступил тяжелым ботинком на его ладонь, ломая пальцы. — Пикнешь кому — убью, — бросил он на прощание.

Марик не пикнул. Но внутри него в тот день что-то окончательно и безвозвратно умерло. Его психика треснула, как тонкое стекло. Начались панические атаки, ночные кошмары, долгие месяцы в закрытых клиниках, куда мать устроила его, продав последнее имущество. Врачи качали головами, выписывая сильные транквилизаторы. Но таблетки не могли заштопать разорванную душу. Марик замкнулся, ожесточился и научился не чувствовать боли. Он вырос, превратившись в Марка — человека без жалости, без страха, с ледяным расчетом вместо сердца. Он научился убивать, потому что только в моменты контроля над чужой жизнью его собственные кошмары отступали.

...Марк открыл глаза и тряхнул головой, прогоняя наваждение. В руке по-прежнему был зажат охотничий нож. Настоящее вернулось. Время расплаты пришло.

Он поднялся с деревянного ящика, спрятал нож в бархатный чехол под подкладку темного пальто и вышел из гаража. Дождь хлестал по лицу, но Марк не замечал холода. Он сел в свой неприметный подержанный седан и повернул ключ зажигания.

Марк уже несколько недель неотступно следил за Олегом Волковым. Он изучил его маршруты, его привычки, его бизнес. Сначала Марк просто хотел выполнить заказ, который поступил к нему через теневые каналы от одного из обманутых Олегом бизнес-партнеров. Но когда Марк увидел лицо цели на фотографии, его сердце впервые за много лет пропустило удар. Олег. Тот самый Олег Волков. Судьба сама привела его мучителя в его руки, да еще и заплатила за это огромные деньги.

Марк припарковал машину за два квартала до загородного офиса Волкова, расположенного в полуброшенной промышленной зоне. Он знал, что Олег часто приезжает сюда поздно вечером — то для серых финансовых махинаций, то для тайных встреч с любовницами.

Натянув глубоко на глаза черную кепку и проверив плотность кожаных перчаток, Марк бесшумной тенью скользнул в глубину неосвещенных переулков. Промзона встретила его воем ветра и дребезжанием старого железа на крышах. Вокруг не было ни единой живой души.

Камеры видеонаблюдения на соседних складах Марк вывел из строя еще за день до этого, аккуратно перерезав кабель.

Вдалеке показались яркие ксеноновые фары внедорожника Олега. Машина тяжело преодолела раскисшую глину и остановилась у двухэтажного кирпичного здания офиса. Олег вышел из салона, ругаясь на непогоду, и быстро взбежал по ступенькам.

Марк проводил его взглядом. Его дыхание оставалось ровным, пульс не участился ни на удар. В его голове не было ярости — только холодная, кристально чистая пустота. Он подошел к черному входу здания. Благодаря связке ключей Игоря Петровича, которую Марк тайно вытащил из его куртки в автомастерской неделю назад, замок поддался без единого звука.

Марк шагнул внутрь душного, темного коридора. Где-то наверху послышался уверенный шаг Олега Волкова. Охота началась.

Глава 3. Нож в темноте

Олег Волков захлопнул тяжелую дверцу внедорожника и поглубже вжал голову в воротник дорогого кожаного пальто. Октябрьский ливень за пределами города превратился в сплошную стену водяной пыли. Раскисшая под колесами глина хлюпала и затягивала обувь, пока он торопливо поднимался по щербатым бетонным ступеням загородного офиса.

Этот двухэтажный филиал на самой окраине заброшенной промзоны Олег использовал редко. В основном — чтобы проворачивать серые финансовые сделки в обход налоговой или без лишних глаз встречаться с женщинами. Сегодня здесь должна была быть Кристина. Но полчаса назад она прислала короткое смс о том, что задерживается из-за пробок на выезде из города. Олег зло сплюнул, открыл ключом массивную входную дверь и шагнул внутрь здания.

Внутри пахло старыми бумагами, сыростью и остывшими радиаторами. Олег на автомате щелкнул выключателем на стене, но тусклая лампочка в глубине коридора лишь пару раз надрывно мигнула и с треском погасла. — Черт бы всё побрал, коротнуло из-за грозы, — раздраженно проворчал он.

Достав из кармана смартфон, Волков включил фонарик. Узкий луч холодного света выхватил из темноты облупившуюся краску на стенах, силуэт старого кожаного кресла в углу и... неподвижную человеческую фигуру, стоявшую чуть поодаль у окна кабинета.

Олег резко замер. Сердце испуганно екнуло, в горле мгновенно пересохло. — Кто здесь? Охранник? Я же ясно сказал сегодня не дежурить и закрыть территорию! — крикнул он, пытаясь придать своему голосу привычную властность.

Силуэт медленно двинулся вперед, выходя из тени прямо в луч фонарика. Мужчина был высок, широкоплеч, одет в безупречно сидящее темное пальто. Его лицо скрывал глубокий козырек кепки, а на руках были плотные черные кожаные перчатки. В правой руке незнакомца тускло, матово блеснуло длинное лезвие охотничьего ножа.

Когда мужчина поднял голову, луч света упал прямо на его резкие, словно высеченные из камня черты. Олег взгляделся в это лицо, и его смартфон едва не выпал из онемевших пальцев. Память услужливо, со страшной скоростью подбросила

воспоминания двадцатилетней давности. Школьный туалет. Грязный кафель. Заплаканный, хрупкий мальчик в порванной куртке, над которым Олег и его дворовая компания издевались каждый день просто ради забавы. Тот самый Марик, чью голову Олег со смехом удерживал в унитазе, ломая его пальцы и психику.

— Ма... Марик? — сиплым, сорвавшимся на визг голосом выдавил Олег, отступая на шаг назад. — Ты? Но ты же... ты же уехал из города пятнадцать лет назад!

— Уехал, — эхом отозвался Марк. Его голос прозвучал пугающе тихо, ровно и мягко. В нем не было ни капли человеческой ярости. — На принудительное лечение, Олег. Ты ведь помнишь, как врач сказал моей матери, что моя голова разрушена? Вы ломали меня годами. Вы смеялись. И ты всегда был главным.

— Марик, послушай, это было в детстве! Мы были просто глупыми, тупыми детьми! — Олег судорожно перебирал ногами, но его спина уже уперлась в запертую входную дверь. Бежать было некуда. — Я дам тебе денег! Сколько хочешь! У меня фирма, счета, я переведу тебе любую сумму, только убери нож!

— Деньги не зашьют мою голову, — спокойно ответил Марк, делая последний, стремительный шаг вперед.

Олег в панике попытался замахнуться тяжелым кожаным портфелем, но Марк сделал легкий, профессиональный уклон в сторону. В следующее мгновение всё было кончено. Первый удар ножом пришелся точно под ребра. Олег захлебнулся собственным криком, из его рта

на дорогую рубашку хлынула густая, теплая кровь. Второй удар — прямо в область сердца, хладнокровный, точный и беспощадный.

Волков грузно осел на залитый кровью линолеум, судорожно и шумно хватая ртом воздух. Марк медленно опустился перед ним на корточки и посмотрел на свои перчатки, испачканные в крови своего главного детского кошмара.

И именно в эту секунду внутри Марка что-то окончательно повернулось. На смену многолетней пустоте, страху и таблеткам пришло дикое, пьянящее, почти оргазмическое чувство абсолютной власти. Мучитель, перед которым он трепетал половину жизни, теперь лежал у его ног, превращаясь в кучу грязного, обмякшего тряпья. Марк закрыл глаза и глубоко вдохнул сырой, металлический запах свежей крови. Ему... *понравилось*. Это было лучше любого лекарства. В этот момент в темноте загородного офиса родился серийный убийца. Он понял, что Олег был только началом.

Марк методично обыскал карманы затихающего трупа. Пальцы в перчатках нащупали тяжелую связку ключей. Среди них Марк сразу нашел приметный латунный ключ с гравировкой «И.П.» — ключи от загородной дачи Игоря Петровича, которые Олег бесстыдно вытащил у лучшего друга, чтобы тайно приводить туда его же жену. Марк знал об этом из своих наблюдений. Игорь тоже был в той школьной компании. Он трусливо хихикал у дверей туалета, пока Олег ломал Марику жизнь. И теперь Игорь заплатит за свое молчание собственной свободой.

Марк аккуратно вытер лезвие ножа об одежду покойного, оставив на ткани лишь несколько микроскопических частиц для будущей экспертизы. Он поднял упавший телефон Олега, стер свои следы, выключил экран и бесшумной тенью направился к выходу. За его спиной, в темном коридоре, навсегда затих Олег Волков. Механизм страшной, многолетней мести был запущен, и Марк уходил в грозовую ночь, готовый к своей новой, бесконечной охоте.

Глава 4. Фабрикация

Дождь барабанил по лобовому стеклу, когда Марк въезжал на территорию старого дачного кооператива «Лесное». Время близилось к двум часам ночи. Вокруг не было ни души: дачный сезон давно закончился, и покосившиеся деревянные домики стояли во тьме, словно вымершие великаны. Дождь был его лучшим союзником. Он надёжно смывал любые следы протекторов и обуви на размокшей грунтовой дороге.

Марк остановил машину в сотне метров от участка Игоря Петровича, выключил габариты и несколько минут просто сидел в темноте, вслушиваясь в шуршание капель. В его груди всё ещё плыло то самое пьянящее, горячее чувство всемогущества, родившееся в момент гибели Олега. Ему казалось, что он наконец-то проснулся от долгого, тяжёлого сна.

Он вышел из машины, бесшумно прикрыв дверцу. В его кармане лежала связка ключей, снятая с тела Волкова, а под пальто, в бархатном чехле — тот самый охотничий нож. На лезвии и рукояти Марк намеренно оставил скрытые биологические следы Олега, но тщательно стёр собственные отпечатки с чехла.

Марк перешагнул через низкую деревянную оградку участка Петровича. Латунный ключ с гравировкой «И.П.» идеально подошёл к замку входной двери. Замок повернулся с тихим, маслянистым щелчком. Марк шагнул внутрь домика, прикрыл за собой дверь и лишь тогда включил карманный фонарик, направив узкий луч на пол.

Внутри пахло сушёной травой, старым деревом и пылью. Это был скромный, уютный дом, который Игорь строил годами для своей семьи. Марк прошёл на небольшую кухню, совмещённую с гостиной. Его взгляд упал на старый угловой диван, обтянутый потертым велюром.

Действуя методично и без суеты, Марк опустился на колени. Он аккуратно поддел пальцами в кожаных перчатках край заводской обшивки с тыльной стороны дивана, там, где ткань крепилась к деревянному каркасу скобами. Образовалась небольшая щель. Марк достал нож и засунул его глубоко внутрь, прямо между поролоном и деревянной балкой — туда, где оружие не бросалось в глаза при беглом осмотре, но гарантированно обнаружилось бы при детальном обыске с металлоискателем.

Марк вернул ткань на место, аккуратно разгладив её ладонью. Следов взлома или обыска не осталось. Всё выглядело так, будто хозяин дома сам в спешке спрятал окровавленное орудие преступления в тайник.

Перед тем как уйти, Марк поднял фонарик и посветил на стену у входа. Там, в простенькой деревянной рамке, висела семейная фотография Петровичей. С неё улыбался простодушный, крепкий Игорь, рядом стояла его тихая жена Елена, а у их ног крутились трое маленьких детей — Денис, Максим и крошечная Аля. Все они выглядели счастливыми, защищёнными своим маленьким миром.

Марк пристально всмотрелся в лицо Игоря на фото. В его памяти снова всплыл школьный коридор и трусливый, заискивающий смехок Игоря, который всегда стоял за спиной Олега и никогда не пытался остановить издевательства.

— Ты думал, что твоё молчание ничего не стоило, Игорь? — тихо, едва слышно прошептал Марк в темноту пустой дачи. На его губах появилась холодная, пугающая улыбка. — За всё в этой жизни нужно платить. Завтра твой мир сгорит.

Марк выключил фонарик, вышел на крыльцо и запер дверь латунным ключом. Он бросил связку ключей в глубокий внутренний карман своего пальто — к тем документам и секретам, которые никто никогда не должен был увидеть. Сев в машину, он завёл мотор. Первые две части его грандиозного плана мести были выполнены безупречно. Настоящий убийца уезжал в предрассветный туман, оставляя позади идеальную ловушку, а невинный человек и его ничего не подозревающая семья уже были обречены на долгий, беспросветный ад.

Глава 5. Камера 14

В следственном изоляторе 1 пахло въевшейся в бетонные стены хлоркой, старой сыростью и дешевым табачным дымом. Этот удушливый, специфический запах пропитывал одежду и кожу мгновенно. Игорю Петровичу казалось, что если он когда-нибудь выйдет отсюда, то уже никогда не сможет от него отмыться.

Он сидел на низком железном табурете, намертво привинченном к полу в допросной комнате, и тупо смотрел на свои руки. На его массивных запястьях, привыкших к строительным инструментам, багровели четкие, болезненные следы от слишком туго затянутых металлических наручников.

Напротив него, за громоздким деревянным столом, заваленным папками с документами, сидел капитан Савельев — следователь с усталыми, воспаленными от недосыпа глазами и привычкой то и дело тереть переносицу. Между ними горела одна-единственная тусклая лампа под железным абажуром. Она противно, монотонно жужжала, разрезая полумрак сырой комнаты.

— Ну что, Игорь Петрович, давай не будем тратить ни мое, ни твое время, — Савельев со вздохом открыл прозрачный пластиковый пакет с зип-замком.

На стол между ними с глухим, леденящим душу стуком лег тяжелый охотничий нож. На его длинном матовом лезвии отчетливо виднелись темные, засохшие потеки.

Игорь инстинктивно отпрянул, цепь наручников с резким металлическим грохотом натянулась, удержав его на месте. — Экспертиза пришла два часа назад, — ровным, лишенным эмоций голосом продолжил следователь. — Кровь на лезвии и на рукояти полностью совпадает с группой крови и ДНК убитого Олега Волкова. Нож был обнаружен оперативниками под обшивкой углового дивана на твоей загородной даче. Ключи от дома были только у тебя и у твоей жены. Ты утверждаешь, что не бывал на участке последние три месяца. Тогда как оружие убийства оказалось внутри запечатого помещения? В тайнике?

— Я не знаю! — Игорь резко вскочил, но цепь наручников, пристегнутая к массивному кольцу в полу, с силой рванула его назад, заставив грузно рухнуть обратно на табурет. Его голос сорвался на сиплый, отчаянный хрип. — Капитан, умоляю, услышьте меня! Олег — мой лучший друг! Мы с первого класса за одной партой сидели! Зачем мне его убивать? Зачем мне резать его как свинью?!

Савельев тяжело вздохнул, достал из пачки сигарету и чиркнул дешевой зажигалкой. Комнату заволокло сизым, едким дымом. — Зачем? Давай поговорим о мотивах, Петрович. Олег Волков крутил огромные деньги, его фирма процветала. А у тебя что? Твоя небольшая строительная контора на грани банкротства. У тебя трое несовершеннолетних детей, огромный долг по кредитам, недостроенный дом, который сожрал все твои сбережения. Ровно неделю назад ты приходил к Олегу в офис и на коленях просил у него крупный заем под честное слово. И Олег тебе жестко отказал. Секретарша и менеджеры в коридоре отчетливо слышали, как вы орали друг на друга. Ты кричал ему: «Ты еще пожалеешь, тварь!». Было такое?

— Было... — Игорь закрыл лицо грязными, дрожащими ладонями. Горячие слезы бессилия потекли по его небритым щекам, оставляя чистые дорожки. — Да, мы ругались! Но я сгоряча это ляпнул! У меня просто сдали нервы из-за долгов! Но я бы никогда... Кто-то украл мои ключи, капитан! Или у Елены... Я не знаю! Меня просто подставили!

Капитан Савельев затушил сигарету прямо о край стола и пододвинул к Игорю отпечатанный лист бумаги и дешевую шариковую ручку. — Подставили... Все вы так говорите. Игорь, послушай меня по-человечески. Улики стопроцентные. Твой нож, твоя дача, твой мотив. Суд присяжных раскатает тебя за десять минут. Подпиши признание. Чистосердечное сильно облегчит твою участь. Адвокат скажет, что это был аффект на почве тяжелого финансового

положения. Судья учтет, что ты многодетный отец и раньше не привлекался. Получишь двенадцать лет вместо максимальной пятнашки. Подумай о детях. Выйдешь еще не старым человеком.

— Нет... — Игорь замотал#, его плечи судорожно вздрагивали. — Я не подпишу ложь. Я не убивал Олега. Клянусь вам памятью своей матери, клянусь жизнью своих детей, я этого не делал...

Капитан Савельев ничего не ответил. На его лице отразилось лишь привычное, профессиональное равнодушие к чужому горю. Он аккуратно убрал нож обратно в пластиковый пакет, сложил бумаги в папку «Дело 104» и молча нажал на кнопку вызова конвоя под столом.

Дверь допросной открылась, и двое хмурых надзирателей грубо подняли Игоря под руки, уводя его по длинному, заплесневелому коридору обратно в камеру 14. Невинный строитель еще не знал, что в этот самый момент его настоящие латунные ключи лежали на самом дне потайного ящика стола Марка, а его свобода, его честное имя и вся его будущая жизнь были окончательно растоптаны ради чужой, безумной детской мести.

Глава 6. Стекланный дождь

Пока Игорь Петрович находился в сырой камере СИЗО, в его панельной трёхкомнатной квартире на окраине города разворачивался другой филиал ада. Елена Петровна сидела прямо на полу в гостиной, спиной к дивану, и судорожно прижимала к себе маленькую Алю. Максим и Денис сидели рядом, испуганно вцепившись в полы её старого халата.

За окном уже окончательно стемнело, но плотные траурно-серые занавески были задернуты так, чтобы с улицы не было видно ни одного просвета. Изменилось всё. Спальный район, где они прожили больше десяти лет, мгновенно узнал об аресте Игоря. Для местных жителей добрый, отзывчивый строитель, который всегда помогал соседям с ремонтом, в один миг превратился в «кровавого маньяка и потрошителя». Сплетни, подогреваемые утренними криминальными сводками по телевизору, превратили жизнь Петровиной в непрерывную пытку. Днём в их дверь без умолку стучали пьяные хулиганы, на лестничной клетке кто-то краской вывел уродливое слово «Убийцы», а телефон разрывался от угроз, пока Денис просто не выдернул шнур из розетки.

Вдруг оглушительную тишину тёмной комнаты пререзал жуткий, хлёсткий звон.

В окно гостиной, пробив двойное стекло и плотную штору, прилетел тяжелый силикатный кирпич. Толстые оконные стекла с грохотом разлетелись на тысячи мелких, острых как бритва осколков, которые серебряным градом осыпали ковёр всего в полуметре от сидящих детей. Маленькая Аля истошно, до хрипа закричала, намертво пряча лицо в грудь матери. Максим испуганно зажмурился, закрывая голову худыми руками.

— Убийцы! Сдохните, твари! — донёсся со двора хриплый, пьяный крик кого-то из соседей. — Деньги воровали, друга лучшего зарезали! Вон из нашего дома! Нам маньяки в подъезде не нужны!

Снизу раздался дружный, злобный хохот подпевающей ему компании.

Елена даже не вздрогнула. Она продолжала сидеть, глядя в пустоту перед собой мёртвыми, заплаканными глазами. Острый осколок стекла пролетел по касательной и глубоко порезал ей левую щеку. Тонкая струйка тёмной крови медленно потекла к подбородку, пачкая воротник халата, но женщина словно не чувствовала физической боли. Её удушала совсем другая, внутренняя, адская боль.

Она смотрела на испуганного Дениса, на дрожащего Максима, на рыдающую Алю. И в каждом из них — с ужасающей, пронзительной чёткостью — видела черты лица покойного Олега Волкова. Его разрез глаз, его упрямую складку у губ, его манеру гордо наклонять голову набок. Игорь... её добрый, преданный, ничего не подозревавший Игорь, который каждую ночь вкалывал на стройках и строил этот загородный дом, чтобы у его детей было будущее, сейчас сидел за решёткой за убийство человека, который тайно, цинично разрушил его семью. Человека, от которого Елена родила всех троих детей, трусливо скрывая этот страшный грех под маской идеальной, верной жены.

«Это я виновата, — стучало в её голове, как тяжёлый кузнечный молот. — Это мой грех привёл убийцу на нашу дачу. Бог наказывает нас за мою грязь, за мою ложь. Игорь страдает за меня».

Денис аккуратно поднялся с пола, стараясь не наступать босыми ногами на хрустящие осколки стекла. Он осторожно подошёл к окну, отодвинул порванную кирпичом занавеску и выглянул на залитую дождём улицу через сквозную дыру в стекле. Там, внизу, под козырьком подъезда стояли несколько мужчин. Они курили, злобно сплёвывали на асфальт и то и дело поглядывали на их тёмные окна, обсуждая, что нужно «поджечь этих выроdkов».

— Мама, надо уходить, — тихо сказал десятилетний Денис, поворачиваясь к матери. Его голос звучал неестественно взросло, из него полностью исчезли детские интонации. — Они не оставят нас в покое. Давай соберём сумки ночью и уедем к бабушке в деревню? Прямо сейчас.

Елена медленно повернула к нему голову. На её бледных, искусанных губах появилась слабая, жуткая улыбка, от которой у Дениса по спине пробежал ледяной холодок. — В деревню... Да, Дениска. Ты прав. Скоро всё закончится. Скоро всем станет легче. Идите в свою комнату, запрились и ложитесь спать. Маме нужно побыть одной. Мне нужно написать одно очень важное письмо.

Денис нахмурился, почувствовав, как липкий, необъяснимый страх сковал его грудную клетку. Но спорить с матерью он не посмел. Он бережно взял за руки Максима и Алё и увёл их в детскую. Закрыв дверь на защёлку, он не лёг в кровать. Он сел прямо на пол у порога, положив голову на колени.

Мальчик не спал всю ночь. В гробовой тишине квартиры он отчётливо слышал тихий, прерывистый скрип шариковой ручки на кухне, тяжёлые вздохи матери, а под утро — глухой, непрекращающийся шум льющейся воды в ванной комнате. Он ещё не знал, что через несколько часов его детство закончится навсегда, а тетрадный лист, который мать сейчас пишет, ломая ногти, станет самым важным и самым опасным предметом в его жизни.

Глава 7. Черный шелк

Дождь, терзавший город в ночь убийства Олега, к утру сменился удушливым, плотным туманом. Городское кладбище тонуло в этой липкой серой хмари. Старые раскидистые тополя стояли вдоль аллей как безмолвные стражи, с их ветвей на размокшую, глинистую землю тяжело падали крупные грязные капли. Атмосфера была пропитана запахом сырости, увядших цветов и свежерытой земли.

Анна стояла у самого края глубокой могилы, чувствуя, как земля буквально уходит у нее из-под ног. Весь ее привычный, уютный мир, который она так бережно выстраивала из семейных ужинов, планов и домашнего рагу, превратился в ничто. Олег. Ее сильный, красивый, успешный Олег, которого она боготворила и ждала каждый вечер, теперь лежал на дне этой темной ямы в закрытом лакированном гробу. Следователи сказали, что на его теле живого места не осталось от ударов ножом. Анна до сих пор не могла поверить, что человека, бывшего ее вселенной, больше нет.

— Держись, милая, я с тобой. Надо быть сильной, — раздался над самым ухом приторный, слегка дрожащий голос Кристины.

Подруга крепко сжимала плечо Анны, изображая глубокую скорбь. Но Анна сквозь пелену слез не замечала, что за стеклами больших темных очков Кристины прятался вовсе не траур. Там метался дикий, липкий страх. Кристина знала, что в ту роковую ночь Олег ехал именно к ней. Она до судорог в теле боялась, что полиция проверит распечатки звонков покойного, и ее грязная тайная связь с мужем лучшей подруги выплывет наружу перед всеми этими приличными людьми, собравшимися на похороны.

Анна зашаталась. В глазах поплыли черные пятна, колени подогнулись, и она готова была упасть лицом прямо в холодную кладбищенскую грязь.

Но в ту самую секунду, когда сознание уже готово было покинуть ее, чья-то сильная, широкая рука резко и одновременно невероятно бережно подхватила её под локоть, возвращая телу опору. — Осторожнее. Позвольте мне помочь вам, — раздался над ухом глубокий, бархатистый и поразительно спокойный мужской голос.

Анна с трудом подняла голову и сквозь пелену слез увидела незнакомца. Высокий, широкоплечий, в безупречно сидящем темном пальто. Его лицо с резкими, правильными, словно высеченными из мрамора чертами выражало глубокое, искреннее сочувствие.

Это был Марк.

Он пришел сюда вовсе не для того, чтобы соболезновать. Внутри него все пело и ликовало. Последние два дня Марк буквально упивался новостями об убийстве Олега Волкова. Он явился на эти похороны, как на самый главный праздник в своей жизни — поглумиться, потешить свое уязвленное в детстве эго, глядя на то, как закапывают в землю его главного школьного мучителя. Марк хотел лично увидеть триумф своего возмездия. Он планировал подойти к безутешной вдове, сказать пару дежурных, фальшивых фраз соболезнования и мысленно плюнуть на гроб человека, который когда-то сломал ему жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.